

Б С разной мерой требовательности

Репертуар Московского центрального театра транспорта, начавшего свои гастроли в Киеве, довольно обширен и разнообразен. Преобладают в репертуаре произведения советских авторов. Зритель найдет в нем добрый десяток пьес, не шедших на сценгах киевских театров и не показанных гастролеровавшими у нас до сего времени театрами.

Из числа новых пьес советских авторов первыми были показаны «Хамелеоны» В. Соловьева и «Заморские гости» Л. Шейнина, причем «Хамелеоны» — это последняя постановка театра. Спектакль был выпущен в Москве накануне отъезда на гастроли.

Удачная стихотворная форма заостряет сатирическое острое пьесы, делает ее прицельно-меткой, доходчивой, афористичной. Пьеса высмеивает и бичует узколюбив бюрократов. Прикрывая мнимой борьбой за правду свою отсталость, консерватизм, равнодушие к людям, такого рода «руководители» в штаны встречают любые проявления критики.

Молодой художник Лавров заинтересовался, почему в санатории, когда в сентябре неожиданно наступили холодные дни, больные должны мерзнуть? Ему ответили: по плану в сентябре топить не положено, ибо холода наступили «внепланово». Пытаясь разоблачиться в бюрократической канители, запутавшей столь ясный вопрос, Лавров сталкивается с кучкой жуликов, проходимцев, расхитителей социалистической собственности. Вся эта вечисть пускает в ход против него такие средства защиты, как «организация общественного мнения», обвинения в «антисоветских настроениях» и «бытовом разложении». С помощью представителя печати Лаврову удается разоблачить их.

Постановка «Хамелеоны», осуществленная главным режиссером

Гастроли Московского центрального театра транспорта

театра В. Гольдфельдом и режиссером ассистентом А. Полевым в сотрудничестве с художником Ю. Тарасовым, отличается выразительной простотой и доходчивостью. Удачно решены многие мизансцены, особенно сатирически заостренные в картинах, где действие происходит в доме «деятеля торговли» Семичетова. Когда из дома Семичетова уходит украшавшие и олицетворявшие мешанское счастье и довольство семь слонов, — то это воспринимается, как удачно найденное образное выражение краха спекуляционного благополучия.

Стихотворная форма пьесы создает дополнительные трудности, но исполнители ролей в спектакле превосходно справились с этими трудностями. Текст звучит в спектакле непринужденно, естественно и выразительно.

Спектакль поставлен дружным ансамблем, и трудно выделить кого-либо из актеров особо. Но, пожалуй, наиболее сильное впечатление производит В. Колпаков в роли тупого, самодовольного, самоуверенного бюрократа Петрушина. В. Колпаков создал зловещий образ.

Острый характерностью, в смысле внутреннего раскрытия своего героя и внешнего рисунка роли, отличается исполнение артистом П. Павленко роли спекулянта Семичетова.

Женские роли — в первую очередь журналистка Евгении Петровны в выдержанном исполнении О. Кузнецовой и жены спекулянта Тамары Львовны, ярко сыгранной А. Танеевой, не уступают мужским ролям.

Хорошее впечатление производит П. Крылов, играющий честного, прямодушного и смелого молодого художника Лаврова. Разоблачительные реплики Лаврова встречают оживленную реакцию в зрительном зале. Это говорит о том, что комедия В. Соловьева попала в цель, активно слухит очищению нашего общества от всякого рода петрушинных и семичетовых.

Менее удачным или, — будем откровенны, — совсем неудачным является спектакль «Заморские гости», к которому театр подошел с иной мерой требовательности, чем к «Хамелеонам». Тема пьесы Л. Шейнина не нова. Взорные и несуразные представления некоторых иностранцев о советской действительности не раз уже высмеивались нашей литературой — и в прозе, и в драматургии. В «Заморских гостях», помимо того, многое выглядит надуманным и неправдоподобным (например, наивное удивление прибывших в советскую страну английских общественных деятелей по поводу того, что целинные земли у нас не находятся в частных руках, и др.).

Допустимо, конечно, в драматическом произведении и преувеличение, и заострение, и прямой шарж, и открытый гротеск. Но все это не должно превращаться в театральную бутафорию вроде детского поезда, проходящего через сцену по нависшему над фанерным утешем мосту. Если в «Хамелеонах» покидающие комнату слоны образно выражают определенную мысль, то поезд в «Заморских гостях» остается только бутафорией, способной привести в восхищение ребят, но совершенно противоположный бытовому плану спектакля.

В основе всякого театрального представления лежит условность. Но эта условность такова, что мы забываем о ней в театре, ибо сила

театрального искусства сценическая правда становится для нас жизненной правдой. Театральная условность не должна переходить в анекдотичность, не должна нарушать жизненной правды и реалистичности. Мы, например, охотно верим автору пьесы и театру, что попавшие в Закарпатье англичане ни слова не понимают по-русски, допускаем, что говорят между собою эти заморские гости по-английски, хотя и ясно слышим из их уст русскую речь. Допускаем: все это условность! Но когда эти самые англичане, беседуя с советскими людьми через переводчика, произносят фразу по-русски, а переводчик, «будто переводя» фразу с английского, повторяет фразу по-русски, то это звучит смешно и напоминает детскую игру «в телефон». Впрочем, уже во втором действии «англичане» только изредка вспоминают, что им положено говорить через переводчика... В то время как все персонажи — и английские парламентарии, приехавшие в Закарпатье, и венгр — железнодорожный машинист, и лесоруб-гуцул, и стрелочница Петренко, и москвич Платонов говорят по-русски, одна только колхозница «тетя Даша» жарит — не говорит, а именно жарит — по-украински. Но что это за украинский язык! «И по должном миновании времени скинчила той техникум з отличьем!» Артистка Л. Виноградова изображает бабу «апохотуку» из «малороссийской» пьесы конца прошлого века. Что общего имеет эта бутафорская фигура с нашими украинскими колхозницами?

Таким же бутафорски-опереточным является и гуцул-лесоруб, носящий загадочную фамилию «Терек» (?). Всяма условия и фигура председателя райисполкома т. Гали, вся действительная функция которой заключается в том, что она вышывает «крестным» снатьерть и выдает свою мать замуж за машиниста Переша.

Автор пьесы хотел показать, как факты разбивают предвзятые и неправдивые представления не-

которых иностранцев в советской действительности. Но показано это в пьесе на мелких, несущественных деталях, а не на главном для нашей действительности. Английские парламентарии принимают самовар за «русский миномет». Между прочим, самовар весьма не характерен для Закарпатья, как и русская печь, которая почему-то напоминает в пьесе англичанам «гробницу фараона». Ни одного, сколько-нибудь принципиального столкновения предубежденных англичан со значительными фактами советской действительности не имеется. О механизации лесозаготовок, дружном труде лесорубов, заготовляющих лес для целинных земель, только говорится, «леспромхоз» вне сюжетной линии пьесы.

Вполне понятно, что, имея в распоряжении такой драматургический материал, актеры были скованы «условностью» по рукам и ногам. Хорошо играет Жюграфра А. Толбузин, но ведь это же только сотый вариант Кости-капитана из «Аристократов!» Стремится к полной естественности А. Танеева в роли стрелочницы Марены Карповны. Очень трудно М. Скороходовой заставить зрителя поверить, что Гали — председатель райисполкома, если она только вышывает и поглощена любовью к начальнику станции Платонову, фигуру совершенно схематической (артист А. Смирнов). Роли англичан в крепких руках: Крамpton — В. Матов, Гирс — П. Павленко, Морейль — А. Полевым. В пределах отпущенных им возможностей артисты добросовестно используют свои роли, но от этого «условные» фигуры заморских гостей не становятся правдоподобными.

Творческий состав Центрального театра транспорта заслуживает более совершенного драматургического материала. Это с полной очевидностью доказывается рядом других спектаклей, в том числе и «Хамелеонами».

В. СУХОДОЛЬСКИЙ.